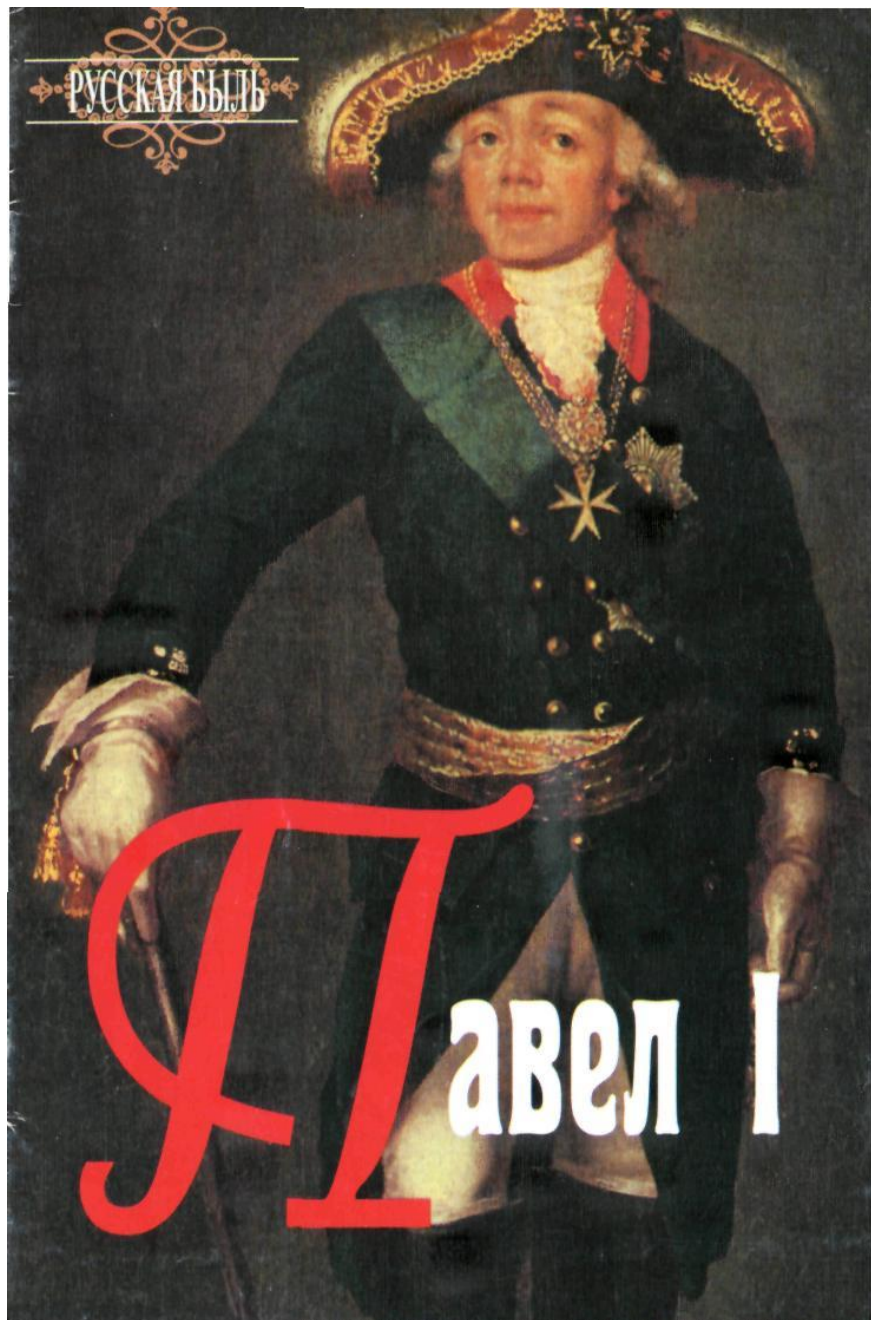

РУССКАЯ БЫЛЬ

Давел I

Н. Д. Тальберг

Давел I

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
РОССИИ

Издательство
Сретенского монастыря
2000

По благословию
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси

АЛЕКСИЯ

© Сретенский монастырь, 2000 г.

© С.В. Попов - оформление серии.

ЛР № 030613 от 24.07.99.

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия».

Формат 84x108/32. Объем 1 п.л.

Тираж 10 000 экз. Зак. № 27308

Печать офсетная. Подписано в печать 03.10.2000.

Адрес АО «Молодая гвардия»:

103030, г. Москва, ул. Суцеская, 21.

Адрес издательства:

103031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19.

Б

ольшие торжества происходили в Санкт-Петербурге во второй половине сентября 1754 года. 20-го числа родился Великий Князь Павел Петрович, внучатый племянник Императрицы Елисаветы Петровны.

Мать его, Императрица Екатерина II, так вспоминала этот день: «Только что спеленали его, как явился по приказанию Императрицы духовник ее и нарек ребенку имя Павел, после чего Императрица тотчас велела повивальной бабке взять его и нести за собой, а я осталась в родильной постели...» Впервые увидела она потом сына только через шесть недель, когда принимала очистительную молитву.

«Всемогущему Господу Богу благодарение!» — так начинался манифест о рождении Павла. Императрица ликовала. Обеспечивалось престолонаследие в потомстве

Петра Великого. На крестинах она подарила каждому из родителей по 100 тысяч рублей. Великой Княгине, кроме того, бриллиантовый убор на шею и серьги. «Петербургские ведомости», извещая об этом, описывали великолепный фейерверк, сожженный по этому случаю: Россия была представлена на коленях пред жертвенником с надписью снизу: «Единаго еще желаю». Потом явилось с высоты на легком облаке, великим сиянием окруженное, Божие Провидение с новорожденным принцем на пурпуровой бархатной подушке с надписью: «Тако исполнилось твое желание». Ломоносов написал оду, желая Павлу сравниться в делах с его знаменитым прадедом.

Государыня приняла на себя попечение о младенце. Императрица Екатерина II пишет: «Она поместила его у себя в комнате и прибегала к нему на каждый его крик; его буквально душили излишними заботами. Он лежал в чрезвычайно жаркой комнате, во фланелевых пеленках, в кровати, обитой мехом черных лисиц, его покрывали одеялом из розового бархата, подбитого мехом черных лисиц...» Такое тепличное положение привело к излишней изнеженности младенца и вызвало с раннего возраста частые заболевания.

Порошин записывает 30 июня 1765 года сказанное в его присутствии Императрицей Екатериной о младенчестве сына. «Государыня изволила сказывать, „что он один раз ночью из колыбели выпал, так что никто того не слышал. Пробудились по утру — Великого Князя нет в колыбели; посмотрели — он лежит на полу и очень крепко опочивает“. Окружен он был только женщинами. От них, простых русских женщин, он с самых юных лет воспринял религиозность и церковность, утвердившиеся с годами. Долго не имел он сверстников».

В 1758 году Павла начали учить грамоте. В 1760-м Императрица Елисавета главным воспитателем его назначила выдающегося государственного деятеля, генерал-поручика и камергера Никиту Ивановича Панина. Государыня, убедившись в полном ничтожестве Великого Князя Петра Феодоровича, видимо, готовила Павла к наследованию престола. Ранняя кончина не дала ей возможности осуществить это намерение. Император Петр III пренебрег просьбой умиравшей Государыни заботиться о Павле. Он замыслил отправить супругу свою в монастырь, сына не наименовал Наследником, присвоив ему титул Цесаревича только для возношения в храмах.

Большое впечатление на восьмилетнего Павла произвел ночной переворот, совершенный летом 1762 года Екатериной. Его подняли с постели и под военной охраной перевезли из Летнего дворца в Зимний. С этого времени у впечатлительного мальчика появились болезненные припадки, повторявшиеся и потом.

Случился таковой с ним в Москве во время коронационных торжеств. Он разболелся настолько, что начали опасаться за его жизнь. По выздоровлении ярко проявилась впервые его доброта. По свидетельству Панина, Павел, когда начал поправляться от болезни, пожелал завести в Москве больницу для бедных. Желание его было исполнено, и основанная больница получила название Павловской. По этому случаю выбита была медаль. На одной стороне ее помещен портрет Его Высочества, на другой разные аллегорические изображения с надписью: «Свобождаясь сам от болезни о больных промышляет». На медали изображена, между прочим, престарелая женщина, подымающая найденного младенца; в стороне — Милосердие, указывающее на сего младенца и вешающее: «Ныне и вы живы будете».

Богатые данные об отроке Павле содержатся в книге Семена Порошина «Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, Наследника престола Российскому» (Санкт-Петербург. 1844).

Семен Андреевич Порошин, из московских дворян, родился в 1741 году в городе Кунгуре Пермской губернии, где отец его, генерал-поручик, был в то время начальником горных заводов, потом главным начальником и преобразователем Колывано-Воскресенских заводов. Семен получил образование в Первом Кадетском корпусе, где развились его природные способности и ум его обогатился многосторонними знаниями. Он знал несколько языков, много читал, был осведомлен в истории, особенно в математике и военном искусстве. Еще будучи учеником, печатал свои труды в журнале «Ежемесячные сочинения». По выходе из корпуса был короткое время при Петре III флигель-адъютантом.

Историк Соловьев так определяет его: «Порошин принадлежал к тому поколению даровитых русских людей, которые с жаром примкнули к начавшемуся тогда литературному движению; знание иностранных языков, давая возможность удовлетворить жажде к чтению, расширило его умственный горизонт; он с уважением относился к вождям так называемого просветительного движения на Западе, но уважение не переходило в увлечение; подобно Екатерине, Порошин принял за образец пчелу, которая из разных растений высасывает только то, что ей надобно. Порошин умел оставаться русским человеком, горячим патриотом, имевшим прежде всего в виду пользу и славу России. С этим-то высоким значением образованного человека и горячего патриота явился Порошин

среди людей, призванных участвовать в воспитании наследника престола, и, разумеется, немедленно же обратил на себя внимание и приобрел более других влияние над ребенком.

Главная цель Порошина при воспитании будущего Государя состояла в том, чтобы внушить ему горячую, беспредельную любовь к России, уважение к русскому народу, к знаменитым деятелям его истории».

Порошин был в 1762 году назначен кавалером при Павле, то есть находился при нем почти безотлучно, учил его математике и старался оказывать на него доброе влияние. Полюбив своего питомца, он в сентябре 1764 года записывает такой отзыв о нем: «Его Высочество, будучи весьма живого сложения и имея начеловоколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится; но как никакие усиленные движения долго продолжиться не могут, если побуждающей какой силы при том не будет, то в сем случае крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имел счастье полюбиться. Словом сказать, гораздо легче Его Высочеству вдруг весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость». Свойство это осталось у Павла на всю жизнь, и испытать непрочность его дружбы пришлось самому Порошину.

Сохранил Павел сердечную привязанность к Императрице Елисавете. Порошин пишет в 1764 году: «Обуваючись, изволил мне Его Высочество с крайним сожалением рассказывать о кончине покойной Государыни Елисаветы Петровны, в каком он тогда был унынии и, сколько от него опасность живота ее и потом кончину ни таили, какое он, однако же, имел болезненное

предчувствие и не хотел пристать ни к каким забавам и увеселениям. Потом изволил рассказывать, как он при покойном Государе Петре III ездил в крепость в соборную церковь и с какой печалию видел гробницу, заключающую в себе тело Августейшей и им почти боготворимой бабки своей». Порошин отмечает, что всякое внезапное или чрезвычайное происшествие весьма трогает Его Высочество. «В таком случае живое воображение и ночью не дает ему покою. Когда о совершившейся 15-го числа сего месяца над бунтовщиком Мировичем казни изволил Его Высочество услышать, также опочивал ночью весьма худо...»

Впечатлительность его проявлялась во многом. В 1764 году Порошин читал ему историю Вольтера о Петре Великом, причем десятилетний мальчик высказывал свои суждения. «Особливо в тех местах изволил показывать крайнее свое отвращение от свирепства, где о безчеловечных поступках шведскаго генерала Штейнбока и других упоминается; также сердился Его Величество, что польский король Август нарушил данное свое слово Государю Петру Великому». 16 марта 1765 года пришли к Павлу граф Григорий Григорьевич Орлов и Г. Н. Теплов. Говорили о физике, химии, ботанике, анатомии. «Как стали говорить, что иногда для показания, как сок в кровь претворяется, живых скотов анатомят и что некогда в Англии случилось, что и человека живого анатомили, то Его Высочество, показывая свое отвращение, просил, чтобы материю разговора переменяли...»

Проявлялась его впечатлительность и в следующем. Порошин в октябре 1764 года пишет: «То примечу только, что часто на Его Высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Неоднократно

наблюдал я, что когда при нем говорят что в пользу или в похвалу какого-нибудь человека, такого человека, после видя, Его Высочество склонен к нему является; когда ж, напротив того, говорят о ком невыгодно и хулительно, а особливо не прямо к Его Высочеству с речью адресуясь, но будто в разговоре мимоходом, то такого Государь Великий Князь, после увидя, холоден к нему кажется».

В то время легко было исправлять случавшиеся с ним погрешности, для чего «надобно знать только, как за то браться». Павел умел просить прощение. «Прости меня, голубчик, — воскликнул он, бросившись рано утром к входившему к нему Порошину, — я перед тобой виноват, вперед никогда уже ссориться не будем, вот тебе рука моя».

Великий Князь отличался добротой. Он не раз просил графа Панина оказать денежную помощь слугам. 10 октября 1764 года он просил его и графа Ивана Григорьевича Чернышева «весьма усиленно и прилежно, чтоб для сына кормилицы его, которому пять лет от роду, сделать какое-нибудь счастье, определить его во флот или иное какое место». Панин согласился просить Императрицу определить мальчика в морской кадетской корпус, хотя он и не дворянин, в уважение того, что мать его была кормилицей. Проявлял Павел заботливость в отношении Порошина, иногда даже своеобразную. 7 октября 1764 года, после окончания обеда, он сказал ему: «Не прогневайся, братец, что я тебе севодни за столом устриц больше одново блюда есть не дал. Я боялся, чтоб ты не занемог».

Порошин отмечает следующую особенность своего питомца: «У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать,

спешить опочивать ложиться... Ложась, заботится, чтоб поутру не проспять долго». Любил он попрыгивать. Зная эту привычку, он 25 января 1765 года пошутил над собою по следующему поводу. В девятом часу зажгли приготовленный перед домом на Неве фейерверк, который сделан был и горел весьма изрядно. Как за вензловым именем Его Высочества огненные колеса весьма быстро вертелись, то изволил сказать Великий Князь: «Вот видно, что Мелиссино (артиллерийский полковник, который фейерверк делал) меня знает и видал, как я у себя прыгаю: окружил и имя мое резвыми колесами».

Не умел Павел сдерживать свое неудовольствие и нетерпение. Проявлялось это порою на вечерних «куртагах» у Императрицы. Потом он говаривал: «Какой вчерась вечер был несносный». Панин и Порошин строго выговаривали ему непристойность такого поведения. Тогда он начинал плакать, что ему вообще было свойственно. Описывается одно из таких происшествий, начавшееся на куртаге 16 января 1765 года. «Сперва весел был, разговаривал с министрами. Из наших — с князем Петром Ивановичем Репниным, с вице-канцлером, графами Петром и Иваном Григорьевичами Чернышевыми. Наконец скучилось ему. Зачал подзывать Никиту Ивановича домой. Его Превосходительству хотелось дожидаться того, как Государыня изволит ретироваться, и для того отказывал ему. Зачал Великий Князь с ножки на ножку переступать, помигивать и смотреть на плафон, чтобы скрыть свое нетерпение. Между тем очень оно видно было, и собирающиеся на глазах тучки еще более то показывали. Никита Иванович принужден был ийти с Его Высочеством. Как только добрались мы до своих пределов и вошли в желтую комнату, остановились все. Никита Иванович приказал с Великого Князя снять тут шпагу

и чтоб он далее никуда не ходил. Дав ему наижесточайший выговор, оборотился к нам и сказал, чтобы мы на сей вечер все Великого Князя оставили и никто не говорил бы с ним ни слова. Сказав сие, пошел Его Превосходительство к себе, оставив у нас по себе тишину неопisanную. Великий Князь выговором весьма огорчен был и, стоя у печи, разными знаками показывал свое неудовольствие. По предписанию, никто не говорил ему ничего. Разговаривали мы между собою, показывая, будто совсем на него не примечаем... По приказанию Его Превосходительства *Никиты Ивановича*, ужинать сел Его Высочество уже в десятом часу, опочивать лег в одиннадцатом, что для него было школою терпения. Весь вечер происходил в тишости». Утром Павел Петрович «очень сожалел и раскаивался о вчерашнем приключении. Одевшись, изволил учиться, как обыкновенно. После учения попрыгивал в желтой комнате, и никто с ним по вчерашнему заказу не вступал еще ни в какие почти разговоры». Потом он просил Порошина дать ему совет, чтобы «таких проказ вперед не было». Выслушав мягкое нравоучительное суждение Порошина, он бросился к нему и, целуя, обещал принять во внимание все им сказанное. Панин был справедливо строг с ним.

Учился он хорошо, но временами неохотно. Эпинус, преподававший ему физику и алгебру, говорил, что он имеет геометрический ум и точность ума. «И подлинно, когда Его Высочество не заленится, то провождаемые с ним в учении часы неопisanное приносят услаждение: с такую остротою и основательностью вникать изволит» (1765). Рассказывает Порошин о том, как Великий Князь спорил в марте 1765 года с графом Григорием Орловым о гремящем золоте и деланные им замечания по физике «служили к общему удовольствию всех его доброхотов».

Закон Божий преподавал иеромонах Платон (Левшин), будущий выдающийся митрополит Московский. Он укрепил в Павле религиозное чувство и преданность Православию. Владыка Платон впоследствии свидетельствовал: «Высокий воспитанник всегда был, по счастью, к набожности расположен, и рассуждение ли или разговор относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему внедрено было со млеком покойной Императрицей Елисаветой Петровной, которая его горячо любила и воспитывала приставленными от нее набожными женщинами». Подтверждением сказанному служит запись Порошина в октябре 1764 года о впечатлении от урока, вынесенного Павлом: «Окончивши учение, изволил Его Высочество пойтить в опочивальню и, идучи, изволил сказать: „Хорошо учитца-та — всегда что-нибудь новенькое узнаешь“. Я говорил Его Высочеству, что лишь бы вскучать не изволил, а то в таких новостях недостатку не будет». Через два дня отец Платон поднес Павлу от Синода до сорока разных священных книг и рассуждал о церковной печати.

В ноябре имеется такая запись: «Отец Платон поднес Государю диссертацию своего сочинения о Мелхиседеке, о котором Его Высочество давно уже требовал подробного изъяснения. Его преподобие весьма связно в диссертации своей изобразил все известное по Священному Писанию о Мелхиседеке». Порошин 15 августа 1765 года пишет: «Успение Пресвятыя Богородицы. Его Высочество встать изволил в исходе сельмого часа. Одевшись, изволил читать с его преподобием отцем Платоном Священное Писание. Потом разбирали мы книжку, в которой служба на сегодняшний праздник, и пели оттуда стих: „Побеждаются естества уставы в Тебе, Дева Чистая“ и прочее».

Порошин, отмечая всеобщую, служившуюся 19 сентября 1765 года, пишет: «Его Высочество стоял весьма благочинно. И вообще справедливость ему отдать должно, что он обыкновенно службе Божией с благочинием и усердием внимать изволит. Да укрепит его Господь и впредь в благочестии и к православной нашей вере непоколебимо».

В октябре 1764 года шел разговор за столом о морском и сухопутном бое, о том, что морские битвы ужаснее и жесточе, что на разбитом корабле приходится опускаться с ним на дно. Цесаревич принимал участие в беседе и наконец сказал: «Что ж беды, хоть и на дно ретироваться. Вить в смерти-та больше страху, нежели вреда, особливо для человека добродетельнова, которому на том свете лучше еще будет, нежели здесь».

12 сентября 1765 года иеромонах Платон в присутствии Императрицы три четверти часа экзаменовал своего ученика. Государыня благодарила законоучителя за учение, про Павла же сказала: «Я думала, что он будет смущен; ничего подобного — он отвечал очень хорошо». Панин понес Императрице ответы, написанные рукою Павла, на богословские вопросы иеромонаха Платона. «В сих вопросах один есть, чтобы доказать примером, как страсти наши против разума воюют. Его Высочество изволил написать тут: „Например, разум говорит: не ездить гулять, дурна погода; а страсти говорят: нет, ничево, что дурна погода, поезжай, утешь нас!“ Его Высочество не из чужих страстей пример себе выбрать изволил!»

Об отношении Павла к иеромонаху Платону можно судить по следующей записи от 26 ноября 1764 года: «После учения Главного магистрата князь Мещерский президент представлял Его Высочеству Санкт-Петербургских купцов с хлебом да с солью для поздравления

с прошедшим днем тезоименитства Ее Величества. Из поднесенных ранетов, груш и лимонов изволил Государь, десятка два выбрав, сам накласть на блюдо и послать его преподобию отцу Платону».

Павел умел сказать словечко или остроумно выразиться. Подсмеивался над участником игр менее развитым князем Куракиным, двумя годами старше его. Как-то попросил последнего рассказать, о чем шла у него речь с Порошиным. Тот, поторопясь, ответил: «Ваше Высочество, хлеб, сыр и масло». Павел, тотчас перехватя, сказал: «Князь Александр Борисыч! тарелка, ложка и вилка. Ясно ли это? Подумай же, каково мне ответ твой ясен». Говорилось при нем об отвращении к гадинам (лягушкам, тараканам, мышам и прочее). Его Высочество изволил тут сказать: «Они нам гадки, а мы, я думаю, им гадки кажемся». За столом заговорили, что стерлядь скоро приедается. Десятилетний Павел высказался так: «Я думаю, она от того скоро приедается, что она очень хороша: едят ее с жадностью, кусков хорошенько не разжевывают; неразжеванные куски желудку варить трудно — оттого-то, наконец, и почувствуешь от такова кушанья отвращение».

В том же 1764 году при нем граф Панин говорил о росте протестантизма в Германии, что еще до окончания века император и саксонские курфюрсты станут лютеранами. Великий Князь, слушая это, пошутил: «Так может и то стать, что лет через сто и сам папа лютеранского закона будет».

Будучи в театре, где давалась французская комическая комедия, Павел нашел, что артист Клервал играл плохо. Граф Панин согласился с этим, добавив, что он глуп. Павел сразу возразил: «Как вы можете знать, глуп он или нет; можно скверно играть и иметь много ума» (1764).

В декабре того же года по городу носился слух, что к Цесаревичу назначат вместо А. Г. Жеребкова временно графа М. К. Скавронского. Случилось им прийти вскоре вместе и некоторые придворные при них спрашивали Павла, который из них ему больше понравился. Великий Князь ответил, что оба они достойны и ему нравятся. Когда они ушли, Цесаревич сказал Порошину: «Что это им сделалось, что при них спрашивают меня, чтоб я сказал настоящее свое о них мнение. Лъзя ли этому статца? Либо воспросители глупы, либо меня за дурака они почитают».

В присутствии Павла говорилось, что имевшийся в Петербурге французский театр несравним с театром парижским. Отрок Цесаревич тогда сказал: «Это и натурально: где же во Франции лучшему театру быть, как не в Париже. У нас здесь в Петербурге есть русский театр, в Москве театр, в Ярославле театр, а здешний все лучший; да хотя бы и больше еще их в России было, однако же бы здешний театр все был лучший. А что французской здешний хуже парижскова, и тому таки дивитца нечего: если б король французский захотел иметь у себя русской театр, конечно бы, тот театр никогда не мог сравняться с петербургским русским театром».

Высказался как-то: «В ответе иногда запнутца можно, а в вопросе, мне кажетца, сбитца никак невозможно».

Говорилось в декабре 1764 года, что Петербургский архиепископ велел задержать сумасброда, болтавшего в народе всякие нелепости. «Его Высочество сказать на то изволил: „Это и хорошо он сделал; хотя эдакой сумасброд и враки рассеивает, однако, все простой народ в безпокойство и смятение приведен тем быть может”».

Когда ему было уже 11 лет, Панин за столом спросил Цесаревича: «Как вы думаете, повелевать ли лучше или

повиноваться?» Павел ответил: «Все свое время имеет: в иное время лучше повелевать, в иное лучше повиноваться». Через месяц он по другому случаю высказался: «Мне кажется, кто повиноватца не может, тот и повелевать не умеет».

Обыкновенно Павел держал себя просто. Но иногда проявлял и величественность. Так, его возмушало, что в театре в партере начинали до него хлопать артистам. Граф А. С. Строганов, слышавший это, сказал, что Государыня это допускала. Тогда он заявил: «Да об этом я не слышал, чтоб Государыня приказывать изволила, чтобы при мне аплодировали, когда я не зачну. Вперед я выпрошу, чтоб тех можно высылать вон, которые начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю». В январе 1765 года к Цесаревичу пришел гофмаршал князь Н. М. Голицын. «Зашла речь о арифметических действиях, и как князь Николай Михайлович сказал Его Высочеству, что ему надобно б прежде долей учить тройные правила, то Великий Князь изволил сказать ему: „Знать, что не надобно, когда мне иным образом показывали, а тому человеку (ссылаясь на меня) больше Вашево Сиятельства в этом случае известно, что прежде надобно показать и что после”».

С детства Павел проявлял отечестволюбие. В 1764 году Панин заметил, что понравившийся Цесаревичу письменный стол из красного дерева, изготовленный русскими ремесленниками, лучше привезенного ему из Франции. Великий Князь молвил: «Так-то ныне Русь умудрился». Позднее он говорил Панину: «Какой же хороший ковер разослан был в аудиенц-зале, как турок был на аудиенции! Этот ковер делали в Смоленске». В ноябре, рассматривая генеральную карту Российской Империи, сказал Порошину: «Эдакая землище, что, сидючи

на стуле, всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтобы оба конца высмотреть». Когда в августе 1765 года скончался германский император, сановные гости Цесаревича говорили, что кончина эта должна быть ему чувствительна как принцу немецкой империи (по Голштинии). Он отвечал: «Что вы ко мне пристали, какой я немецкой принц, я Великий Князь Российской». Панин и граф Иван Григорьевич Чернышев в декабре 1764 года отмечали, что на Западе живут в замках и запираются, в России же живут, имея двор, огороженный бревенчатым оплотом, и ворота, запираемые деревянным запором; там посередине города воруют и разбойничают. Причину отсутствия разбоев они объясняли добродушием и основательностью нашего народа. Граф А. С. Строганов возразил, что это только глупость и наш народ таков, каким хочешь, чтобы он был. Павел на это изволил сказать: «А что ж, разве это худо, что наш народ таков, каким хочешь, чтоб был он. Поэтому и стало, что все от того только зависит, чтоб те хороши были, кому хотеть надобно, чтоб он был таков или инаков». Строганов, разговаривая дальше о полицмейстерах, сказал: «А где ж у нас возьмешь такова человека, чтоб данной ему власти во зло не употребил?» Государь с некоторым сердцем изволил на это молвить: «Что ж, сударь, так разве честных людей совсем у нас нет?» Замолчал он тут.

В декабре 1764 года Порошин рассказывал за столом иеромонаху Платону и Павлу об обеде Петра Великого, как он обыкновенно с самого утра приказывал для себя студень готовить и что завсегда рано за стол садился. «Государь Великой Князь изволил сказать к тому: „В этом мог бы и я легко блаженные памяти Государю последовать, и весьма бы рад был, если б дозволили. Желая только, чтоб мог последовать и в прочем, почему он

Великим назван”». Порошин постоянно отмечал деяния царя Петра I и находил сочувствие у своего ученика. В ноябре 1764 года он, рассказывая о кипучей деятельности, проявленной им в корабельном деле, подчеркнул, что жизнь сего монарха составлена была из трудов и подвигов к пользе и прославлению отечества. Павел, слушая внимательно, сказал: «И подлинно, братец, вить это правда».

Любил Павел Петрович Москву. Порошин записывает: «Его Высочество с восхищением вспоминал о московском житье. И кроме сего, когда ни придет к речи, всегда изволил показывать охоту пожить в Москве»; «За ужином о Москве разговаривал, превознося и прельщаясь ей» (1764); «Вспоминал о житье московском с великим удовольствием. Изволил говорить: „Я бы всегда хотел там жить, только чтоб удовольствие мое было совершенно, то надобно, чтобы и этот дворец там был для того, что с ним не могу я без прискорбности расстаться”» (1765); обсуждал, где бы в Москве можно такой дворец построить.

Порошин обстоятельно описывает беседы, происходившие за обеденным столом. В них, наряду с крупным государственным деятелем, воспитателем Цесаревича Паниным, принимали часто участие брат его, известный генерал Петр Иванович; вице-канцлер князь А. М. Голицын; графы Захар и Иван Григорьевичи Чернышевы, из коих первый, генерал-фельдмаршал, был близок к Императору Петру III, участвовал в Семилетней войне, был вице-председателем военной коллегии и генерал-губернатором Белоруссии; граф Николай Иванович Салтыков (потом князь), генерал-фельдмаршал, тоже участник Семилетней войны; граф Семен Петрович Салтыков, генерал-фельдмаршал, победитель короля Фридриха II

под Кунерсдорфом, потом московский главнокомандующий; граф Виллим Виллимович Фермор, сподвижник Миниха, участник шведской и Семилетней войн, недолго главнокомандующий; смоленский генерал-губернатор, гетман граф Кирилл Григорьевич Разумовский, фельдмаршал Эрнест Миних, граф Григорий Орлов, граф Петр Александрович Румянцев, будущий фельдмаршал, и другие. Всем им внимал пытливым отроком Павел. Обсуждались ими исторические события русские и иностранные, военные кампании и снаряжения сухопутные и морские, давались определения государям и их сподвижникам, начиная с петровского времени. Но временами говорилось и такое, что не надлежало бы слушать юному Великому Князю и вызывало огорчение у Порошина. «Все сии разговоры такого рода были и столь основательными наполнены рассуждениями, что я внутренно радовался, что в присутствии Его Высочества из уст российских, на языке российском текло остроумие и обширное знание», — писал 13 ноября 1765 года Порошин.

И он же заносил следующее: «Пострадал я сегодня за столом ужасно. И как не страдать, когда вот что происходило: разговорились мы о Государе Петре Великом; некто, прешед молчанием все великие качества сего монарха, о том только твердить рассудил за благо, что Государь часто напивался допьяна и бил министров своих палкой...» Можно представить себе, как все это — полезное и вредное — отлагалось в душе и в уме умного и впечатлительного Павла.

Цесаревич 1 января 1763 года был назначен генерал-адмиралом. Императрица сделала это, говорилось в указе, имея ревностное и неутомимое попечение о пользе государственной, с которою неразрывно цветущее

состояние флота, и желая в нежные еще младенческие лета вперить в Великого Князя знание государственных дел с подражанием Петру Великому. Как видно из «Записок», Павел серьезно занимался своею должностью. Будучи же Государем, он очень много сделал для флота, исполнив этим завет матери. По этому званию он представлял 1 января 1765 года Императрице вновь произведенных морских офицеров. Был он шефом Кирасирского полка. 10 января того же года Порошин записывает: «Подполковника Якова Перфильева новорожденного сына пожаловал Государь Великий Князь в морской кадетской корпус сержантом. О сем написал я от Его Высочества в государственную адмиралтейскую коллегияу сообщение, которое, подписав, Великий Князь приказал отослать туда. Перед обедом пришел кирасирский полковник, князь Сергей Никитич Трубешкой. Его Высочество, он и я, ставши в кучку, до самого почти обеда разговаривали о новых воинских штатах, о содержании полку, об обучении и о снабжении всем потребным, о полковой экономии». Великому Князю представлялись послы. Порошин упоминает о данной представителям Англии, Турции и Польши аудиенции. Представлялись и прибывавшие в столицу старшие военные и губернаторы. Порошин, отмечая 9 января 1765 года представление Паниным новоприезжего смоленской дивизии генерал-майора Н., пишет: «Пожаловавши его к руке, изъявил Великий Князь сказать мне: „С лица видно, что немчин; мне кажетца, братец, что не он выдумал порох”».

Цесаревич состоял «почетным любителем» Академии художеств. 21 сентября 1765 года в положенном малиновом платье, вышитом золотом, он прибыл туда на заседание, происходившее под председательством Ивана Ивановича Бецкого. Подписал он потом журнал о приеме

новых особ в академию, осматривал картины, писанные с натуры, чертежи недавно вернувшегося из чужих краев архитектора Баженова. Порошин похвалил «статую его в бюст, сделанную господином Жилетом». «Государь Цесаревич, смеючись, изволил мне сказать: „Вот уж есть что хвалить! Какой фурсик сделан!“» Посетил он помещение учеников, лазарет, присутствовал на ужине. По возвращении во дворец прошел поздравить Императрицу с годовщиной коронации, празднуемой на следующий день.

В декабре 1765 года Порошин испытал на себе неустойчивость дружеских отношений Павла Петровича. Под третьим числом имеется такая запись: «Его Высочество встать изволил в начале осьмого часу. Когда я дежурный, то прежде, нежели чай сберут, изволит он обыкновенно сам входить ко мне и разговаривать со мною, как то выше на многих местах упомянуто. Сего утра того не было, и как я вошел к Государю Цесаревичу, то он, принявши меня холодно (так как и во все сии дни с самого вышеозначенного времени) и долго бывши в молчании, изволил, наконец, сам прервать сие молчание и спросить меня: „А што это значит, што я пред чаем не вошел к тебе?“ Ответствовал я, что лучше о том надобно знать Его Высочеству, что я вижу, что Его Высочество на меня сердится, а за что — подлинно не знаю, что очень о том сожалею и что единственное утешение нахожу в невинности моей перед Его Высочеством. На сие изволил мне говорить Государь Цесаревич с некоторым жаром: „Ты это заслуживаешь: знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде не говорил со мною, и я уже обо всем рассказал Никите Ивановичу“. Долго мне теперь описывать, какия я чудеса сведал от Его Высочества, как подло и злобно слова мои ему перетолкованы и как он побужден был сказать о том Его Превосходительству

Никите Ивановичу. Хотя точно мне и не сказано, когда Его Высочество по злобным побуждениям приведен был на то, чтобы Его Превосходительству Никите Ивановичу рассказывать обо мне такие небылицы, которые и в голову мне никогда не приходили, и изъяснять Его Превосходительству одни только сделанные на слова мои толкования, а не точные мои речи (если бы точные мои речи пересказаны были, как то я после сам изъяснял Его Превосходительству, то они, кроме апробации и некоторой еще благодарности со стороны Его Превосходительства, ничего не заслуживают), однако, по выкладкам моим, выходит, что сие происходило 29-го прошлого месяца, ибо я большую часть дня был отсутствен». 11 декабря, когда Цесаревич чай кушал в постели, он поцеловал подошедшего к нему Порошина и ласково сказал: «Здравствуй, голубчик! Все ли ты в добром здоровье? Как ково спал?» К этому добавил: «Таких слов давно уже ты от меня не слышал». Добавил он, что раскаивается в своем заблуждении, знает, что сильно его обидел. «Помиримся ж», — произнес Павел и, поцеловавшись еще, сказал: «Только, пожалуй, ни на кого не сердись, теперь вернется прежнее положение». «Отвечал я Его Высочеству, что я ни на кого не сержусь, только сожалею, что Его Высочество в состоянии был сделать несправедливость такому человеку, который искренно его любит и истинное о его пользе усердствует, и что во время его гневу единственное утешение находил я в своей невинной и незазорной совести. Просил меня только Его Высочество, чтобы я все то забыл, что он сам во всем раскаивается».

Добрые отношения возобновились. Павел стал вновь поверять Порошину о встречах и беседах на балах с фрейлиной Верой Николаевной Чоголовой, в которую был влюблен. Но отношения были надломлены.

28 декабря следует запись: «Хотя и была у меня с Его Высочеством экспликация, как выше я упомянул, однако после тех интрижек и наушничеств все еще не замечаю я к себе со стороны Его Высочества той доверенности, той горячности и тех отличностей, которые прежде были. От Его Превосходительства Никиты Ивановича поднесенных ему тетрадей тоих записок не получил я еще и никакого об них мнения, ни худого ни доброго, не слышал от Его Превосходительства... При таких обстоятельствах продолжение сего журнала становится мне скучным и тягостным. Если они не переменятся, то принужден буду его покинуть, дабы употребить это время на то, что авось либо более к спокойствию моему послужит». Рукопись обрывается на 13 января 1766 года. В начале этого года Порошин был удален от двора Великого Князя и получил приказание отправиться на службу в Малороссию.

В правителе Малороссии Румянцеве Порошин нашел крупного администратора, оценившего его способности. В 1768 году он был назначен командиром Старооскольского пехотного полка, с которым в следующем году выступил в поход против турок. Вскоре он заболел и в 1769 году скончался. О Порошине, заложившем столько хорошего в душу и ум Павла Петровича, Соловьев пишет: «Исчез один из самых светлых образов второй половины XVIII века; начато было хорошее слово, начато хорошее дело — и порвано в самом начале». В падении Порошина, видимо, сыграли роль интриги помощника Панина Т. И. Остервальда, расхажившего с первым в вопросах воспитания. Павел что-то неосторожно рассказал Панину. Касалось это, по-видимому, и записок Порошина. Панин потребовал их для прочтения. Соловьев пишет: «В них на первом плане Великий Князь и Порошин;

о Панине говорится с уважением, но нравственное значение его не выдается вперед. Некоторые из лиц, посещавших Великого Князя, выставлены беспощадно, с точки зрения автора записок, что не могло не беспокоить Панина, тем более что некоторые из этих лиц были очень крупны и Порошин назначал записки для чтения Великому Князю; могло показаться опасным и неприятным, что малейшее слово всех посещавших Наследника, слово, сказанное невзначай (в том числе и каждое слово самого Панина), было записано и будет потом возобновлено в памяти Великого Князя, а может быть, передается и кому-нибудь другому. Панин был откровенен с Порошиным в своих отзывах о лицах высокопоставленных, и все это было записано...»

Удаление Порошина вызвано было, возможно, и личными обстоятельствами. Фонвизин писал сестре: «Порошин удален от двора за невежливость, оказанную девице Шереметевой». В конце его «Записок» имеются строки, относящиеся к любви и сватовству. Соловьев поясняет: «Если предположить, что предметом страсти Порошина была Шереметева, то объяснение его могло почестся дерзостью по неравенству положения, ибо странно думать, чтоб такой человек, как Порошин, позволил себе другого рода дерзость перед дамой. Любопытно, что Шереметева была после невестой самого Панина Никиты Ивановича, но умерла».

* * *

Изучивший личность и царствование Павла Петровича Е. Шумигорский писал: «Идеалы рыцарских добродетелей навсегда сроднились с душой Павла: мужество, великодушие, стремление к правде и защита слабых,

уважение к женщинам — они всегда вызывали сочувствие царственного мальчика. Прочтя однажды историю Мальтийского ордена, он долго не мог успокоиться, живо воображая себя мальтийским рыцарем. Но сказались и недостатки воспитания во французском духе». Он любил внешность, декорации, любил щеголять своими костюмами. Веселый, живой, светски любезный, Великий Князь, еще десяти-одиннадцати лет занят был «нежными мыслями». В «Записках» Порошина занесены откровения ему влюбленного отрока: «По возвращении, между прочих разговоров, изволил сказывать Его Высочество мне одному за доверенность, что как в польском, танцуя шен, подал он руку своей любезной, то сказал ей: „Теперь, если б пристойно было, то я поцеловал бы вашу руку“. Она, потупив глаза, ответствовала, что „это было бы уже слишком“» (1765, 21 октября). В том же году 11 декабря Павел рассказывал, как весело было на даче у обер-маршала Сиверса, где была любезная его В. Н. «Изволил сказывать, что много танцевал с нею и разговаривал. Говорил-де я ей то, что тебе много раз говорил, то есть что я всегда хотел бы быть вместе с нею. Как она сказала Его Высочеству, что ей очень хочется поцеловать у него ручку, он ответствовал, что ему еще больше хочется поцеловать у нее ручку».

«Напряженность и следовавшее за ним расстройство воображения несомненно связаны были с общей болезненностью организма Павла и расстройством пищеварительных органов, от которых страдал он от рождения... От природы добрый и мягкий, как воск, Павел иногда искупал порывы своей раздражительности чистосердечным раскаянием, слезами, просьбами о примирении, но не всегда возможно было исправить раз сделанное зло... Сидеть долго на месте было для него противно природе,

он постоянно бегал и подпрыгивал. И в этом отношении напоминает он собою Петра Феодоровича... Насколько по характеру Павел напоминал отца своего, настолько по свойствам ума и способностям он являлся отражением матери. Ум Павла был наблюдательный, меткий... Если Павел Петрович не успел совсем офранцузиться и если «вольтерьянство» не коснулось его души, то этим обязан он был законоучителю своему Платону и своему другу-наставнику Семену Андреевичу Порошину» (Шумигорский). Франц Эпинус, германский математик и физик, преподававший Павлу, говорил: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машина, которая держится на ниточке; порвется эта ниточка, машинка завертится, и тут конец уму и рассудку».

Рано проявилась у Павла склонность к военному. Имеется свидетельство владыки Платона, что Великий Князь был склонен к военным наукам и «пленен всякой наружностью, в глаза бросающейся». 6 января 1765 года Порошин записывает, что перед шествованием Императрицы за церковным собором на «деланную против дворца Иордань» Павел смотрел из окошка дворца с графом Орловым на полки гвардии, маршировавшие на Иордань. «Как поравнялся полк Семеновский, то хулил Его Высочество графу Григорию Григорьичу, что солдаты маршируют худо». Развитию его военных способностей помогал брат Панина Петр, генерал-аншеф.

В отроческие годы для Павла Императрица-Мать была только Государыней, которую он ходил поздравлять в определенные дни и встречал, главным образом, в церкви и на придворных собраниях. Конечно, Императрица Екатерина II была в курсе его учения и воспитания, но в подробности таковых не входила. Радовалась она его успехам. Получив, когда ему было 14 лет, письмо,

хорошо написанное и проникнутое благородными чувствами, она, по свидетельству П. Щебальского, поспешила написать его воспитателю: «Вот письмо красноречивое, мужественное, благородное и полное таких чувств, какие я желаю в нем всегда видеть. Я не решаюсь верить, чтоб он сам это написал, потому что это почти слишком хорошо для его возраста; но Вы уверяете – и я верю и поздравляю Вас...»

С годами положение Цесаревича осложнялось. Наверное, находились близкие к нему люди, внушавшие ему, что престол принадлежит ему, а не матери. Известно, что Панин именно так представлял себе положение по достижении Павлом совершеннолетия. Порошин указывает, что Панин иногда в присутствии Павла не одобрял тогдашнее управление государством. К 1770 году относятся следующие строки Щебальского: «Иностранные посланники уже говорят как о деле давно известном „о духе противоречия“ Цесаревича в отношении Государыни. В следующем году в Петербурге произошел какой-то уличный беспорядок; о нем тотчас полетели во все стороны Европы депеши с объяснением, что чернь хочет низвергнуть Императрицу и возвести на престол Цесаревича. Предположения о каких-либо политических побуждениях петербургского рабочего люда не заслуживают внимания, и об этом случае не стоило бы упоминать, если б он не указывал, какие толки ходили в современном обществе. Общественное мнение, как видно, допускало возможность соперничества из-за власти между Императрицей и ее Наследником. О правах Цесаревича, надо думать, говорили и не в одном Петербурге, и не в одних высших слоях общества: вспомним, что Пугачев выставлял его как бы бегущим от матери к нему, мнимому отцу своему. Почти в то же время один

иностранный искатель приключений Беневский*, сосланный в Камчатку, произвел в одном из тамошних острожков возмущение, выдавая себя за человека, пострадавшего будто бы за преданность к Великому Князю. Всем этим злоумышлениям, которые прикрывались его именем, Великий Князь, конечно, не был причастен, но в Екатерине должно было пробуждаться сознание, что он есть постоянная, хоть и невольная, для нее угроза, а это, естественно, не могло не поселить в ней некоторой холодности к сыну»**.

В приводимом Соловьевым донесении английского посла лорда Каткарта своему правительству в 1770 году находятся следующие строки: «Императрица стареет; Великий Князь приближается к совершеннолетию, и не предпринимается ничего на тот случай, когда он из ребенка сделается Наследником престола, тогда как было раз объявлено, что мать сохраняет корону только до его совершеннолетия; теперь он по летам почти способен носить корону, по уму способен оценить, а по характеру — чувствовать и помнить то, что теперь делается».

* Беневский, сосланный в Большерецкий острог, подбил группу заключенных и других лиц, в числе ста человек, умертвить коменданта, захватить торговое судно и пуститься в открытое море. Они приставали к берегам Японии, Китая и острова Формозы. В Макао отряд Беневского отказался ему повиноваться и был, по проискам Беневского, заключен в тюрьму, где часть людей умерла. Остальные, смирившись, отправлены были во Францию. Беневский предлагал французскому правительству захватить Формозу своим отрядом. Из его людей только немногие остались с ним. Некоторые поступили на французскую службу, большая же часть явилась к русскому резиденту в Париже, прося о дозволении им отправиться на родину. В ответ на их прошение Императрица Екатерина писала: «Видно, что руссак любит свою Русь, и надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна». Им было объявлено прощение и дозволено вернуться, а на путевые издержки выдано две тысячи рублей (*Шебальский*).

** Чтения по русской истории. Вып. 6.

В 1773 году заметно сближение Павла с матерью. Совпало это с временем женитьбы его на родившейся в 1759 году принцессе Гессен-Касельской Августе-Вильгельмине, по принятию ею Православия нареченной Наталией Алексеевной. В числе трех лиц, сопровождавших ее с матерью и сестрами в Россию, состоял, по повелению Государыни, как отмечено в «Русском архиве» (1878), друг детства Павла граф Андрей Кириллович Разумовский. Должность главного воспитателя была упразднена. Панина, в звании состоящего при Великом Князе, заменил генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков.

К этому времени относится следующий отзыв о Наследнике прусского дипломата графа Сольмса, который писал Ассебургу: «Хотя он невысокого роста, но очень красив лицом, весьма правильно сложен, разговоры и манеры его приятны, он кроток, чрезвычайно учтив, предупредителен и веселого нрава. Под этой прекрасной наружностью скрывается душа превосходнейшая, самая честная и возвышенная и, вместе с тем, самая чистая и невинная, которая знает зло только с отталкивающей его стороны и вообще сведуща о дурном лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться решимостью самому избегать его и не одобрять его в других. Одним словом, невозможно довольно сказать в похвалу Великому Князю». Другими современниками отмечались и отрицательные стороны Павла — его чрезмерная впечатлительность, соединенная со стремительностью, крайняя неустойчивость, необдуманная пылкость в решениях, мнительность и подозрительность. Многие из этого имело истерическую подпочву.

Государь очень полюбил свою супругу. Но через некоторое время из-за нее испортились его отношения

с матерью, и это недолгое супружество наложило свой отпечаток на склонный к доверчивости и вместе с тем к разочарованной подозрительности характер Павла.

Пояснение тогданных событий находим в нескольких исторических трудах. Историк П. Щербальский повествует: «Великая Княгиня, по отзывам современников, имела большое влияние на своего супруга и, будучи женщиной честолюбивой, склоняла слух лукавым внушениям, в которых не бывает недостатка ни при одном дворе. Есть известия, что известный нам Сальдерн и камергер Матюшкин делали попытки пробудить в Великом Князе честолюбие и восстановить его против Императрицы. То же самое говорят и про графа А. Разумовского (сына гетмана), человека весьма короткого при малом дворе. Все известия, которыя дошли до нас о Великом Князе, не допускают мысли, чтоб он, хотя на минуту, поддавался подобным внушениям, но окружающим его интриганам удавалось иногда побуждать его на поступки, которые можно назвать неосторожными при щекотливых отношениях, установившихся между ним и Императрицей. Однажды он представил ей какую-то записку, в которой резко критиковал настоящее положение дел в России и подавал советы относительно внешней политики, внутреннего управления, а особенно устройства военной части, что показалось его опытной в правлении матери неприличной самонадеянностью. Все эти обстоятельства вместе взятые усилили охлаждение между большим двором и малым двором до такой степени, что его уже невозможно было скрыть».

В «Русском биографическом словаре», издававшемся Императорским историческим обществом, граф Андрей Разумовский в очерке о нем описывается красивым, статным, вкрадчивым и самоуверенным человеком.

Далее говорится: «По смерти первой супруги Павла Петровича Великой Княгини Наталии Алексеевны, в ее бумагах найдены некоторые компрометировавшие ее в отношениях к французскому двору и документы о займе, сделанном ею через графа Разумовского. Это возбудило гнев Императрицы Екатерины II против Разумовского, и он был выслан в Ревель, а вскоре был назначен (1 января 1777 года) полномочным министром и чрезвычайным послом в Неаполь».

Записка Императрицы гетману графу Разумовскому гласила: «Граф Кирилл Григорьевич. Я принуждена была велеть сыну вашему графу Андрею ехать в Ревель до дальнейшего о нем определения. В прочем будьте благонадежны о непремennom моем к вам доброжелательстве». Подписана записка рукой Екатерины. Другой рукой помечено: «27 апреля 1776 года», то есть через двенадцать дней после кончины Наталии Алексеевны*.

Наряду с очерком о графе Андрее Разумовском, в другой книге «Русского биографического словаря» помещен очерк о Великой Княгине Наталии Алексеевне. Отмечая в нем, между прочим, происки иностранных держав, поясняется: «Французские и испанские посланники подкупили графа Разумовского, и он, пользуясь особым доверием Великой Княгини Наталии Алексеевны, вовлек и ее в эти политические интриги. Докладывалось ли Императрице Екатерине о том, что происходило в покоях Наталии Алексеевны, — неизвестно, но она была недовольна Великой Княгиней и дала понять Павлу Петровичу, что он допускает излишнюю близость между своей женой и графом Разумовским. Велико было отчаяние Цесаревича при этом намеке, но Наталии Алексеевне

* Русский архив. 1878.

удалось убедить его, что Императрица передала ему ложный слух с целью поссорить их».

В мемуарах короля Фридриха II Великого упоминаются Великая Княгиня и Разумовский, поддерживавшие отношения с французским и испанским послами. Король отмечает «дурное поведение» Великой Княгини, которое «не соответствовало тому, что можно было ожидать от особы ее происхождения»*.

Великая Княгиня Наталия Алексеевна скончалась семнадцати лет в 1776 году. В том же очерке о ней говорится: «Павел Петрович был до того опечален кончиной жены, что опасались за его рассудок и жизнь. Говорят, что Екатерина употребила сильное, но вредное средство, чтобы заставить Цесаревича образумиться: она передала ему некоторые сведения из найденных в шкатулке умершей Великой Княгини бумаг, компрометировавших графа Разумовского. На другой день, когда Разумовский явился по обыкновению к Цесаревичу, он едва сказал с ним несколько слов, обнял его и удалился к себе». Вопросы этого касается также историк Е. Шумигорский в «Русской старине» за 1898 год. В «Русском архиве» за 1882 год имеется суждение о Великой Княгине и графе Разумовском графа Рибопьера, который был всегда близок ко двору.

В том же году Цесаревич совершил в сопровождении графа Румянцева-Задунайского поездку в Берлин, где увидел впервые восемнадцатилетнюю Доротею-Софию-Августу-Луизу, принцессу Вюртембергскую. В 1776 году он женился на ней, по присоединении к Православию нареченною Марией Феодоровной. Цесаревичу Павлу Петровичу исполнилось 22 года. Первый период его жизни, длившейся еще четверть века, закончился.

* Русский архив. 1878.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
РОССИИ

